

УДК 93:330.101.541

В.В. Кольцов,*канд. географ. наук,**доцент кафедры туризма и экологического менеджмента**Хабаровского государственного университета экономики и права***Ю.И. Панова**

ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ
(МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В 1992 г. в экономике России начался радикальный демонтаж советской экономической модели «государственного социализма». Необходимо дать ретроспективный анализ макроэкономических причин, закономерности и логики Октябрьской революции 1917 г., которая положила начало процессу формирования социалистической экономической системы.

Ключевые слова: *Октябрьская социалистическая революция, случайность и закономерность, макроэкономический анализ.*

In 1992, a radical dismantling of the Soviet economic model of "state socialism" started in Russian economy. It is necessary to give a retrospective analysis of macroeconomic reasons, patterns and logic of October Revolution in 1917, that initiated the process of forming a socialist economic system.

Keywords: *October Revolution, coincidence and regularity, macroeconomic analysis.*

В 2017 г. российское общество вспоминает два радикальных геополитических события экономической истории страны: во-первых, столетие большевистского леворадикального переворота, в результате которого начинается формирование социалистической модели организации экономики и общества, и, во-вторых, двадцатипятилетие начала в современной России переходного (трансформационного) периода от кризисной модели советской плановой экономики к рыночной модели хозяйствования через реализацию либеральной стратегии «шоковой терапии». Данные события определяют исторические границы сложного и противоречивого периода функционирования в эконо-

мической истории страны социалистической экономической модели.

Конечно, события Октября 1917 г. всегда активно освещались в западной и национальной историографии.

В советской историографии преобладали и пропагандировались идеологические оценки данной революции, вокруг которой сформировалась система исторической мифологии. В период распада советской империи и под влиянием либеральной экономической идеологии появились радикальные и антимифологические оценки Октябрьского переворота: «национальная геополитическая катастрофа», «масонский заговор», «страну погубили евреи и деклассированные эле-

менты» и другие не всегда исторически корректные мнения и оценки.

Особый интерес в историографии данного события всегда вызывал анализ диалектики случайности и закономерности Октябрьской революции. В западной историографии даже пытались объяснить данную революцию «вспышками солнечной активности» или «мистическим размещением планет». Конечно, есть определённый элемент случайности в том, что именно большевики, но не другие социалистические партии (например, меньшевики или эсеры) пришли к власти в октябре 1917 г., но, во-первых, эти партии не имели таких харизматичных и эффективных лидеров, как В. Ленин и Л. Троцкий, и, во-вторых, большевики сумели предложить крестьянству и пролетариату очень привлекательные социально-экономические лозунги и обещания. Можно также напомнить, что в философии случайность характеризуется как форма необходимости (закономерности) и как её дополнение и что необходимость всегда прокладывает себе дорогу через массу случайностей.

Ретроспективный анализ позволяет выделить основные макроэкономические причины и закономерности Октябрьской революции:

1. В предвоенный период в России сложилась противоречивая и весьма парадоксальная макроэкономическая ситуация. С одной стороны, реализация процесса первичной индустриальной модернизации экономики страны и циклические промышленные подъёмы 90-х гг. XIX в. и 1909–1913 гг., а также относительно высокие темпы промышленного роста за

счёт активного использования экстенсивных экономико-географических факторов развития, использования иностранных инвестиций и технологий и создания железнодорожной логистики с её эффектом мультипликации. Серьёзными стимуляторами предвоенного экономического развития явились также политика государственного промышленного протекционизма и эффективность финансовых реформ С.Ю. Витте.

Но, с другой стороны, наблюдалось относительное отставание России от ведущих стран мировой экономики по уровню развития индустриальных технологий, интенсивных факторов модернизации и душевых показателей промышленного роста. Логическая незавершённость процесса промышленного переворота привела к тому, что в предвоенный период страна начала исчерпывать потенциал первичной индустриальной модернизации. Поэтому большевики для того, чтобы логически завершить формирование в России индустриальной экономической цивилизации, предложили для реализации социалистическую (нерыночную) модель индустриальной модернизации экономики страны.

2. В 1917 г. Россия оказалась в критической зоне развития с предельным экономическим и политическим напряжением общества и социальными аффектами. Во-первых, кризис 1917 г. объясняется негативным влиянием военной конъюнктуры на экономическую ситуацию вследствие продолжения участия России в Первой мировой войне. Серьёзные трудности наблюдались в потребительском комплексе, в сфере железнодорожного транспорта, в аграрном и финансовом

секторах экономики. Во-вторых, после Февральской буржуазной революции социально-экономическая политика Временного правительства оказалась малоэффективной вследствие комплекса объективных и субъективных причин. Неспособность Временного правительства вывести Россию из ситуации макроэкономического и социального кризиса эффективно использовали большевики своими обещаниями вывести страну из войны и реализовать антикризисную экономическую политику. В современной российской историографии есть устойчивое мнение о том, что страна, проходя критическую точку развития, не смогла в 1917 г. удержаться в рамках естественного развития.

3. Одним из проявлений классической для России модели запаздывающего и догоняющего развития явилось отсутствие сбалансированности (синхронности) экономической модернизации и адекватной буржуазно-демократической политической модернизации. К сожалению, для предвоенной России была характерна низкая эффективность буржуазно-демократических политических и государственных институтов и сохранение многих принципов так называемой восточной (византийской) модели организации государственного управления. Поэтому большевики предложили обществу созыв Учредительного собрания, Конституцию и федеративную республику, право наций на самоопределение. Несмотря на привлекательный политический лозунг «Вся власть Советам!», после революции они начали формирование административно-командной модели государственного управления.

4. Серьёзной институциональной причиной Февральской и Октябрьской революций явилась логическая незавершённость в России процесса рыночной модернизации аграрного сектора экономики. С точ-

ки зрения макроэкономического анализа проводимая в России в предвоенный период столыпинская аграрная реформа имела сложный и противоречивый характер: с одной стороны, необходимо признать позитивные экономические эффекты данной реформы, но, с другой стороны, констатировать её недостаточную радикальность и логическую незавершённость. Реформатор не решился на радикальную трансформацию института помещичьей собственности и формирование эффективной системы аграрных рынков. Для привлечения на свою сторону крестьянского сословия, с которым у большевиков всегда были сложные взаимоотношения, В.И. Ленин предложил взять за основу Декрета о земле аграрную программу популярной среди крестьянства эсеровской партии.

Таким образом, вследствие комплекса объективных и субъективных факторов приход большевиков к власти в октябре 1917 г. оказался закономерным и логическим процессом. История функционирования советской модели «государственного социализма» подтвердила классическую экономическую аксиому: необходимо эффективно использовать конкурентные преимущества любой экономической системы и эффективно нейтрализовать её конкурентные слабости и риски.

Список использованных источников

1 Белоусов Р. А. Экономическая история России : XX век / Р. А. Белоусов. М. : АТ, 2003. Кн. 3.

2 Рязанов В. Т. Экономическое развитие России : реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. СПб. : Наука, 1999.